СОГЛАШЕНИЕ О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛЕ МЕЖДУ РОССИЕЙ/ЕАЭС И ЯПОНИЕЙ: ЕСТЬ ЛИ СМЫСЛ?¹

В. Г. Шеров-Игнатьев

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Несмотря на протекционистские тенденции, в мире продолжается рост числа соглашений о свободной торговле (ССТ). Страны Евразийского экономического союза не остаются в стороне от этих процессов, в Евразийской экономической комиссии идет проработка вопросов целесообразности подписания соглашений такого рода с различными странами-партнерами. Данная статья посвящена обсуждению вероятных последствий заключения ССТ с Японией. Проведен обзор структуры и тенденций взаимной торговли. Выявлена статистическая и логическая зависимость динамики торговли между Россией и Японией от цен на нефть, а также таких факторов, как девальвация российского рубля, повышение пошлин на ввоз поддержанных автомобилей и меры по стимулированию российского контента при автосборке, вступление в ВТО и санкции. В статье даются оценки возможных количественных эффектов либерализации торговли товарами между странами ЕАЭС (прежде всего, между Россией и Японией). Используются модель частичного равновесия SMART (из инструментария WITS) и расчеты бюджетных потерь в случае взаимного обнуления ввозных пошлин. Анализируется структурная асимметрия взаимной торговли и ее последствия в случае либерализации торговли для бизнеса и бюджетов стран-участниц. Рассмотрены направления воздействия ССТ на сектор автомобилестроения в Российской Федерации.

Ключевые слова: эффекты создания и отклонения торговли, либерализация торговли, экспорт, импорт, интеграция.

FREE TRADE AGREEMENT BETWEEN THE EAEU/RUSSIA AND JAPAN: DOES IT MAKE SENSE?

Vladimir G. Sherov-Ignatev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Despite rising protectionist trends, the number of free trade agreements (FTAs) continues to grow worldwide. The countries of the Eurasian economic Union (EAEU) also do not remain aloof from these processes. Feasibility studies of signing such agreements with various partner countries are underway in the Eurasian Economic Commission. This article discusses the likely effects of the FTA with Japan. A review of the structure and trends of mutual trade is done. The analysis reveals the statistical and logical relationship between the dynamics of trade in goods between Russia and Japan and oil prices, as well as the impact of such factors as the devaluation

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 19-51-93009.

of the Russian ruble, the increase in duties on the import of used cars, WTO accession and sanctions. The article assesses the possible quantitative effects of liberalization of trade in goods between the EAEU countries (primarily Russia) and Japan. We use the partial equilibrium model SMART (from the WITS toolkit) and calculations for the budget loss of zeroing of import duties. The structural asymmetry of mutual trade and the likely effects of its liberalization on business and budgets of the participating countries is shown. The probable impact of the FTA on the automotive sector in the Russian Federation are considered separately.

Keywords: trade creation and trade diversion effects, trade liberalization, exports, imports, integration.

Несмотря на рост протекционистских тенденций в мировой экономике, связанных главным образом с политикой администрации Д. Трампа, в мире продолжается рост числа соглашений о свободной торговле (ССТ). За 2018 г. вступили в силу пять ССТ. Россия (в составе Евразийского экономического союза) и Япония не остаются в стороне от процесса либерализации торговли. После формирования Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России, а затем и Евразийского экономического союза, вопросы внешнеэкономической политики государств-членов отнесены к сфере совместного ведения и компетенции наднационального органа (с 2014 г. – Евразийской экономической комиссии (ЕЭК)). В этой связи переговоры о заключении двусторонних соглашений о либерализации торговли ведет ЕЭК, а стороной соглашения выступает ЕАЭС в целом, а не каждая из стран-участниц.

В мае 2016 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ предложил новый подход к отношениям с Россией: разделение политики и бизнеса во благо обеих экономик¹. Выступая в ноябре 2016 г. на российско-японском форуме деловых кругов в Токио, президент России В. Путин заявил: «Укрепление связей с ЕАЭС открывает для японских бизнесменов хорошие перспективы. Рассчитываем, что японский бизнес в полной мере воспользуется возможностями, которые открываются в сотрудничестве с Евразийским экономическим союзом. В скором времени планируется обсудить на экспертном уровне вопрос формирования зоны свободной торговли между ЕАЭС и Японией². Насколько нам известно, официальных встреч экспертов не последовало; не выносился данный вопрос и в повестку дня Коллегии Евразийской экономической комиссии. Заявление В. Путина можно считать пробным шаром. Вероятно, оно не нашло достаточного отклика; можно предположить – по политическим причинам. В условиях действия антироссийских санкций и отсутствия значимого прогресса в вопросе принадлежности спорных островов Курильской

¹ URL: <https://www.policyforum.net/japan-and-russia-star-crossed-economic-partners/> (дата обращения: 14.06.2019).

² URL: <https://www.souzveche.ru/articles/politics/34846/> (дата обращения: 04.07.2019).

гряды переговоры о ССТ выглядели бы для японской стороны неуместными. Однако в последующие годы стороны интенсифицировали переговоры по Курилам и формам экономического сотрудничества, что делает более актуальной предварительную проработку вопроса о целесообразности либерализации двусторонних торгово-экономических связей.

Цель данной статьи – оценить вероятные экономические эффекты потенциально возможной либерализации торговли товарами между Россией/ЕАЭС и Японией. Оценку возможных эффектов обнуления ввозных пошлин мы делаем на основе прямого расчета бюджетных потерь, которые одновременно являются выигрышем экспортеров, а также с помощью модели частичного равновесия SMART. Одна из задач – сопоставление результатов этих двух подходов.

Соглашения о свободной торговле – самый распространенный тип региональных торговых соглашений (РТС). ССТ в соответствии с господствовавшей в течение нескольких десятилетий концепцией стадий региональной интеграции Бела Балассы считались первой формой (стадией) региональной интеграции, предшествующей формированию таможенного союза (ТС). Однако жизнь внесла свои коррективы. Большинство ныне действующих ССТ являются двусторонними, и их участники не планируют договоренностей о единых внешних тарифах и единой внешнеторговой политике – основы таможенных союзов. Дело в том, что таможенные союзы по своей сути являются формой коллективного протекционизма и предполагают пространственный континуум – единую таможенную территорию; при этом одна страна может вступить лишь в один полноценный таможенный союз. ССТ свободны от таких ограничений, и каждая страна может заключить сколько угодно ССТ с другими государствами. Неудивительно, что сегодня число ССТ многократно больше числа ТС – в среднем на одну страну приходится более десятка заключенных ССТ. Большинство современных ССТ не предполагают территориального континуума, связывая страны, разделенные значительными расстояниями, нередко – океанами. По сути, формирующиеся сети двусторонних ССТ – одно из проявлений глобализации. В сфере торговли товарами (а отчасти и услугами) ССТ явились альтернативой Всемирной торговой организации (ВТО). Переговоры Доха раунда в рамках ВТО буксуют почти два десятилетия в силу сложности сочетания интересов огромного количества участников при широчайшей повестке обсуждаемых вопросов. Двусторонний же формат облегчает нахождение взаимоприемлемых решений и балансирование взаимных уступок.

Япония включилась в процессы двусторонней либерализации торговли в форме ССТ уже в ХХI в. Толчком к этому, очевидно, послужили присоединение Китая (и Тайваня) к ВТО в 2001 г., а также активное заключение ССТ Соединенными Штатами и Европейским союзом (в сфере внешнеэкономической политики, в отличие от технологической

сферы, Япония остается страной адаптивного развития, нередко копирующей опыт мировых лидеров). Большинство подписанных Японией соглашений такого рода относятся к категории ССТ+ и по японской традиции носят название «Соглашение об экономическом партнерстве» – СЭП, *Economic partnership agreement* – ЕРА. Помимо договоренностей о свободной торговле товарами, они включают договоренности о свободной торговле услугами, инвестиционном сотрудничестве, защите прав на интеллектуальную собственность и другие подобные компоненты из повестки дня ВТО.

Первое ССТ Япония заключила в 2002 г. с Сингапуром. За последующие 17 лет в силу вступили еще полтора десятка аналогичных соглашений. Пик результатов активности Японии по заключению двусторонних СЭП пришелся на вторую половину 2000-х гг., а точнее – на 2008 г., когда вступили в силу соглашения с Филиппинами, Индонезией и Брунеем, а также с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Самым значимым событием такого рода надо признать заключение соглашения Японии с Евросоюзом в 2018 г. После вступления его в силу в январе 2019 г. число стран – партнеров Японии по ССТ достигло 46. На партнеров по ССТ приходится 37,7% японского импорта и 33,6% экспорта¹. Продолжаются переговоры о заключении Японией еще ряда ССТ, например, с Турцией. Между тем у Японии пока отсутствуют торговые соглашения с Китаем и с Республикой Корея, притом что обе страны принадлежат к наиболее важным торговым партнерам. Политические противоречия, унаследованные от Второй мировой войны, не позволяют быстро подписать эти сделки, хотя переговоры о трехстороннем соглашении начались еще в 2013 г.

Географически большая часть японских партнеров по двусторонним ССТ концентрируется в Азиатско-Тихоокеанском регионе, за исключением Швейцарии и Индии (рис. 1)². Помимо двусторонних ССТ с отдельными государствами, Япония подписала уже упоминавшиеся ССТ с АСЕАН и мегарегиональное соглашение одиннадцати государств Азиатско-тихоокеанского региона (АТР), так называемое «Всеобъемлющее и прогрессивное Транстихоокеанское партнерство», которое включает в себя большинство положений Транстихоокеанского партнерства (ТТП)³. На очереди – еще одно мегарегиональное соглашение – Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) в составе 16 государств Азии, планирующих подписание финального документа в 2019 г.⁴

¹ Рассчитано по trademap.org

² Анализ предыстории современной политики и практики Японии по заключению ССТ со странами АТР см.: [6].

³ Данное соглашение вступило в силу 30 декабря 2018 г. после того, как его ратифицировали Япония, Мексика, Сингапур, Новая Зеландия, Канада и Австралия.

⁴ *Japan Times*. – 2019. – August 2. – URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/08/03/business/south-korean-trade-minister-raises-japans-export-controls-issue-rcep-meet/#.XVBzi0dS8qc>

Во многом интерес Японии к либерализации торговли обусловлен теми же причинами, что и интерес других развитых государств. Это как стандартные положительные эффекты региональных торговых соглашений (расширение взаимной торговли за счет упрощения доступа на рынки, удешевление товаров, снижение издержек бизнеса, и т. п.), так и удобство использования двусторонних соглашений типа «Север – Юг» в качестве альтернативы ВТО.

Рис. 1. Японские ССТ: подписанные и находящиеся в процессе переговоров – 2019 (страны, выделенные более темным цветом, находятся в процессе переговоров о ССТ с Японией)¹

Есть и специфические объяснения японского интереса к РТС, в частности, стремление компенсировать и сбалансировать растущее влияние Китая в АТР, особенно в Юго-Восточной Азии, желание продвигать свой подход к региональной интеграции и двусторонней либерализации, отличный от китайского и американского. Нельзя сбрасывать со счетов и чисто политические мотивы. Углубление экономической взаимозависимости порождает чувство политического доверия между странами Азиатско-Тихоокеанского региона и всего мира. Япония рассматривает интеграционные процессы и как возможность расширения глобального дипломатического влияния.

Страны ЕАЭС пока менее активно участвуют в процессах двусторонней торговой либерализации, сосредоточившись на углублении интеграции внутри своего объединения. Важно понимать, что ЕАЭС – практически полноценный Таможенный союз, и внешнеторговая политика здесь вынесена на наднациональный уровень: страны-участницы не

¹ URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/economy/fta/index.html>

имеют права заключать сепаратные двусторонние соглашения с третьими странами. Правда, ССТ, заключенные государствами-членами до того, как они вошли в ТС/ЕАЭС, а также обновленное в 2011 г. многостороннее ССТ восьми стран СНГ, остаются в силе.

Уже как единый экономический союз ЕАЭС в 2015 г. заключил ССТ с Вьетнамом и промежуточное ССТ с Ираном, продолжаются переговоры о заключении ССТ с Египтом, Израилем, Индией, ведется предварительная проработка целесообразности двусторонних торговых соглашений еще по нескольким направлениям¹. Для понимания специфики ЕАЭС как стороны переговоров о либерализации торговли, надо иметь в виду две особенности этого интеграционного объединения. Во-первых, ЕАЭС – это асимметричное РТС с очевидным доминированием России. Для интеграционной активности российского руководства характерно превалирование политической мотивации: интеграция как сближение; предпочтительная интеграция с традиционными друзьями и партнерами-союзниками. (В этом смысле Россия не является исключением, например, США также учитывают политическую лояльность потенциальных партнеров по ССТ.) Во-вторых, ЕАЭС – это объединение стран – экспортеров сырья (за исключением Беларуси). Обработывающие производства здесь довольно редко конкурентоспособны по глобальным меркам; либерализация торговли со странами – успешными экспортерами готовой продукции может усугубить положение таких производителей [11]. К заключению ССТ в этой ситуации следует подходить осторожно, взвешивая все за и против (вплоть до уровня отдельных отраслей и регионов), проводя модельные расчеты и тестируя подходы к либерализации на не самых крупных партнерах.

Россия и Япония – соседи с длительной историей взаимных связей. Поэтому вопрос о возможности и целесообразности заключения между ними ССТ вполне логичен. В контексте переговоров о судьбе Южных Курил перспектива получения привилегированных условий доступа на российский рынок могла бы стать фактором достижения переговорного прогресса. ССТ с Японией также хорошо вписывалось бы в проект Большого евразийского пространства, озвученный В. Путиным в 2016 г. Наконец, соглашение могло бы несколько сбалансировать влияние Китая на российском Дальнем Востоке, в чем заинтересованы как российская, так и японская стороны.

Прежде чем перейти к анализу вероятных последствий возможной либерализации взаимной торговли, дадим краткую характеристику двусторонних торговых отношений между Российской Федерацией/ЕАЭС и Японией. Основная особенность этих отношений – абсолютное преоб-

¹ Главная задача — избавить бизнес от «фобий» о либерализации торговли : интервью с В. Никишиной 10 июня 2019 г. – URL: <http://eurasian-studies.org/archives/13024>.

ладание России в экспорте и импорте стран ЕАЭС на японском направлении, что неудивительно, учитывая соседство Российской Федерации и Японии. На Россию приходится 89,1% экспорта ЕАЭС в Японию и такая же доля импорта из Японии; еще 10,8% экспорта и 8,5% импорта приходится на Казахстан. На Беларусь, Армению и Киргизию вместе взятые приходится только 0,1% совокупного экспорта ЕАЭС в страну восходящего солнца. В импорте их доля немногим выше – 2,5%. Для Армении, Беларуси и Киргизии Япония не является сколько-нибудь значимым рынком: на нее приходится 0,05% экспорта Беларуси и менее 0,02% экспорта Армении и Киргизии (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Экспорт стран ЕАЭС в Японию на 2018 г.*

	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Россия
Экспорт в Японию, млн долл.	0,4	17,1	1 503,0	0,5	12 453
Место Японии в экспорте	51	74	10	40	11
Доля Японии в экспорте	0,02%	0,05%	2,50%	0,03%	2,80%

* Рассчитано по данным Trademap.org.

Как отмечают некоторые исследователи, структура российско-японской торговли мало изменилась за последнее время и остается традиционной. Так, А. Белов [2], З. Подоба и В. Горшков [7] называют это эффектом колеи. Основные экспортируемые в Японию товары из России – нефть и нефтепродукты, алюминий, рыба и морепродукты, металлы платиновой группы, прежде всего палладий. На минеральные ресурсы (главным образом углеводороды) в первую половину 2019 г. пришлось 74,9% всего объема экспорта России в Японию, на металлы и металлоизделия – 8,9%, драгоценные металлы и камни – 7,3%, на древесину и целлюлозно-бумажные изделия – 4,9%¹. Наиболее важен японский рынок для экспортеров палладия (19% экспорта из Российской Федерации в 2018 г.), необработанного алюминия (13%), рыбы и морепродуктов (8%). Для сравнения: удельный вес Японии в экспорте Российской Федерации – около 3%.

Из Казахстана Япония получает нефть и ферросплавы (61,5% и 37,9% всего экспорта страны соответственно). В Японию поступает более четверти экспортируемых из Казахстана ферросплавов. Около 74% (10 из 17 млн долл.) белорусского экспорта в Японию приходится на калийные

¹ URL: <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-08/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-yaponiey-v-1-polugodii-2019-g/>

удобрения, еще 10% – на молочные продукты, поставки которых в Японию начались только в 2017 г.

Из Киргизии Япония импортирует исключительно золото, его импорт в 2018 г. достиг 37 млн долларов. Правда, по данным Национального статистического комитета Киргизии, практически все золото из страны экспортируется в Великобританию, а экспорт в Японию не дотягивает и до 300 тыс. долларов и состоит из предметов одежды и фотоматериалов. С Арменией сложилась похожая ситуация: экспорт одежды в Японию в 2018 г. составил 14 млн долларов (88% всего импорта из Армении), однако, по данным официальных статистических ведомств Армении, весь экспорт в Японию составил меньше 400 тыс. долларов и наполовину состоял из табачных изделий¹.

Страны ЕАЭС импортируют из Японии главным образом машины, оборудование и транспортные средства². Ограничимся в этой связи краткой характеристикой российского импорта. Для России импорт из Японии более значим, чем для других стран ЕАЭС, что неудивительно, учитывая географическое соседство двух стран. Япония – восьмой по значимости зарубежный партнер Российской Федерации в части импорта, на нее приходится 3,4% общей стоимости ввозимых в Россию товаров (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Импорт из Японии в страны ЕАЭС на 2018 г.*

	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Россия
Импорт из Японии, млн долл.	59,6	128,1	844,8	48,2	8 819
Место Японии в импорте	16	21	11	8	7
Доля Японии в импорте	1,20%	0,30%	1,50%	1,00%	3,70%

* Рассчитано по данным Trademap.org.

Импортируется, преимущественно, продукция машиностроения (в 1-м полугодии 2019 г. – 79,9% объема поставок из Японии в Российскую Федерацию). Кроме того, поставляется продукция химической промышленности (11,6%), металлы и металлоизделия (3,5%). До 40% российского импорта из Японии приходится на автомобили, еще 13% – на комплектующие для сборки автомобилей и запчасти, 5% – шины. Важное место в импорте занимают также бульдозеры, морские суда, насосы, принтеры,

¹ Trademap.org.

² По данным официальной статистики Киргизии, основной товар, импортируемый из Японии – моющие средства. Однако, по данным японской статистики, Киргизия, как и остальные страны ЕАЭС, покупает главным образом автомобили.

пластмассовые изделия, лекарства и предметы ухода за больными и детьми (подгузники).

Как указывают Д. Стрельцов [9], З. Подоба и В. Горшков [7], объемы реального экспорта товаров под японскими брендами могут превышать статистические данные ввиду того, что поставка товаров может осуществляться через третьи страны, где зарегистрированы дочерние предприятия японских компаний.

Динамика торговли с Японией (как экспорта, так и импорта) России, а значит и ЕАЭС в целом, зависит от цен на нефть (рис. 2).

Рис. 2. Торговля Российской Федерации с Японией в 2001–2018 гг. (в млн долл.)¹

Коэффициент корреляции цен на нефть со стоимостными объемами российского экспорта в Японию за 2001–2018 гг. составляет 0,81, а с объемами импорта – 0,94. Применительно к экспорту такая тесная статистическая связь легко объяснима структурой экспорта Российской Федерации и Казахстана в Японию. Тесная связь масштабов импорта с ценами на нефть также не должна вызывать удивления: доходы от экспорта углеводородов тратятся и на импорт. Как для экспорта, так и для импорта статистическая связь усугубляется эффектами девальваций российской национальной валюты 2009 и 2015 гг. и падением цен на нефть.

Кроме того, динамика импорта зависит еще от трех обстоятельств. Так, на резкое сокращение импорта из Японии в 2009 г. повлияло повышение пошлин на ввоз поддержанных автомобилей. Их импорт в Россию

¹ Источник: Trademap.org и Worldbank Data.

(большая часть таких машин ввозилась из Японии) сразу упал в 15–20 раз с 300 тыс. штук в 2008 г. до менее 20 тыс. в 2009 г. и во все последующие годы¹. Ввоз новых японских автомобилей также сокращался из-за увеличения внутрироссийского контента автомобилей, собираемых на российских заводах Toyota и Nissan в Санкт-Петербурге и Mazda-Sollers во Владивостоке. На это нацеливает режим промсборки, обуславливающий низкие пошлины на ввоз комплектующих постепенным наращиванием местного производства частей машин.

Присоединение России к ВТО в 2012 г. и начавшийся процесс снижения ввозных пошлин способствовали некоторому увеличению импорта. Наконец, украинский кризис и война санкций совпали по времени с падением нефтяных цен 2014–2015 гг. и способствовали резкому сокращению импорта.

Вместе с тем сальдо торгового баланса ЕАЭС с Японией остается положительным (с 2013 г.) благодаря Российской Федерации и Казахстану; у остальных стран ЕАЭС – сальдо отрицательное. Но так было не всегда: в 2004–2008 гг. бурный рост импорта японских автомобилей обусловил отрицательное сальдо российской торговли с Японией. После аварии на Фукусиме и приостановки работы атомных электростанций Япония нарастила закупки российских углеводородов и экспорт России снова превысил импорт из Японии.

Асимметричная товарная структура взаимной торговли является причиной асимметрии таможенных барьеров. Российские и казахстанские экспортеры сталкиваются в Японии с более низкими пошлинами, чем поставщики (немногочисленные) из остальных стран ЕАЭС: 0,5% и ниже даже несмотря на то, что Армения, Беларусь и Киргизия (как и Казахстан) пользуются в Японии таможенными льготами в рамках режима Общей системы преференций (GSP): некоторые их товары ввозятся беспошлинно или по низким ставкам. Причина – преобладание топлива и сырья в структуре экспорта России и Казахстана и известный эффект тарифной эскалации: сырьевые товары сталкиваются с более низкими тарифными пошлинами, чем товары промежуточного назначения и тем более, чем готовая продукция потребительского рынка [7]. Японские же товары при ввозе в Россию и Казахстан сталкиваются с более высокими пошлинами – более 7% (табл. 3). Это различие имеет прямое отношение к перспективам перехода к свободной торговле между ЕАЭС и Японией.

Имеет ли смысл либерализовать торговлю России и других стран ЕАЭС с Японией? Этот вопрос скорее политэкономический, чем экономический. Либерализация несет как выгоды, так и издержки для разных групп населения и бизнеса. Удешевление импортных товаров для потре-

¹ URL: <https://www.zr.ru/content/articles/905115-stop-mashina-zachem-perekryli/?page=2#gal905115-1:3>

бителей и сокращение таможенных сборов могут оказаться не столь важными с точки зрения переговорщиков в сравнении с выигрышем или потерями отдельных групп бизнеса и влияние последних нередко становится решающим. Тем не менее отправной точкой переговоров о либерализации торговли является количественная оценка возможных последствий. При этом базовым вариантом оценок является обнуление всех ввозных пошлин с обеих сторон.

Т а б л и ц а 3

**Тарифные барьеры во взаимной торговле Японии и стран ЕАЭС
на 2018 г.***

	Армения	Беларусь	Казахстан	Киргизия	Россия
Средневзвешенный уровень японских ввозных пошлин на товары страны	8,79%	6,90%	0,01%	15,59	0,51%
Сумма ввозных пошлин, взимаемых Японией, тыс. долл.	33	1179	101	72	63 077
Средневзвешенный уровень ввозных пошлин на японские товары	4,96%	5,43%	7,02%	4,23%	7,22%
Сумма ввозных пошлин, взимаемых с японских товаров, тыс. долл.	1227	1599	27224	704	527 447

* Рассчитано по данным Trademap.org.

Примечание: использованы объемы экспорта по данным экспортирующей стороны.

Начнем с самого простого способа расчетов, позволяющего дать примерную оценку потерь таможенных платежей для каждой стороны. Эти же суммы, только с обратным знаком, можно считать суммарным выигрышем для бизнеса с обеих сторон. Для расчетов были использованы данные сайта Международного центра торговли ВТО/ЮНКТАД Trademap.org о двусторонней торговле, включая средний уровень ввозных пошлин по агрегированным товарным группам (два или четыре знака товарного кода) Гармонизированной системы номенклатуры товаров.

Согласно расчетам, на 2018 г. сумма ввозных пошлин, взимаемых с японских товаров таможенниками Российской Федерации, составила 527 млн долларов. При условии сохранения объемов торговли на неизменном уровне (2018 г.) эта сумма и будет оценкой потерь российской таможни на ввозимые товары и оценкой выигрыша японских экспортеров и российских импортеров от либерализации торговли товарами. В свою

очередь сумма ввозных пошлин, взимаемых с российских товаров таможенниками Японии на 2018 г. (63 млн долл.), будет оценкой потерь японской таможни и выигрыша российских экспортеров и японских импортеров от обнуления пошлин (см. табл. 3). Как мы видим, из-за роста таможенных пошлин суммарные потери России примерно в 8 раз больше, чем Японии. В такой же мере различается степень открытия рынка для товаров страны-партнера. Однако такое открытие рынка нельзя рассматривать исключительно как ущемление интересов собственных производителей. Во-первых, ущемлены будут и интересы конкурентов из других стран (Республики Корея, Германии и др.). Во-вторых, на рынках тех товаров, где импортируемая из Японии продукция занимает важное место, например, на рынке легковых автомобилей, либерализация торговли может привести к снижению цен. Соответственно, российский потребитель в большей мере ощутит удешевление японских автомобилей, чем японский (удешевление бензина из российской нефти).

Более точный анализ последствий возможной либерализации взаимной торговли между Россией¹ и Японией возможен с использованием модели частичного равновесия SMART, поддерживаемой Всемирным банком через инструментарий World Integrated Trade Solutions – WITS. Модель SMART, как и всякая модель, исходит из упрощенной схемы, в той или иной мере отражающей реальные взаимосвязи. В данном случае рынки каждого товара анализируются по отдельности, без учета их взаимовлияния. В отличие от предыдущего подхода, основанного на неизменности объемов торговли между странами-партнерами, модель SMART предполагает рост взаимной торговли благодаря упрощению доступа на рынки друг друга – эффект создания торговли (потокообразующий эффект) и вытеснению части конкурентов из других стран (потокоотклоняющий эффект) [19].

Расчеты по модели SMART дали следующие результаты. Эффект создания торговли (потокообразующий эффект) для Японии в результате обнуления пошлин на ввоз российской продукции составит 44,4 млн долларов – на столько вырастет японский импорт из России. Импорт из России в Японию вырастет за счет вытеснения других стран-поставщиков (потокоотклоняющий эффект) на 29,5 млн долларов. Общий рост поставок из России в Японию за счет обоих эффектов составит таким образом 73,9 млн долларов или 0,5% их общего объема. Рост импорта из Японии в Россию за счет потокообразующего эффекта составит 166,2 млн долларов, а за счет потокоотклоняющего эффекта – 162,8 млн долларов;

¹ Расчеты проведены только для России. По Казахстану результаты будут аналогичны, а влияние трех остальных стран – участниц ЕАЭС на принятие решения о ССТ с Японией будет минимальным в силу крайне малых объемов их торговли с Японией; при этом по Армении и Киргизии есть вопросы к достоверности статистических данных.

общий рост импорта японской продукции в Россию в результате обнуления пошлин на ввоз японской продукции составит по сумме двух эффектов 329 млн долларов (табл. 4). При этом потери ввозных пошлин в результате перехода к свободной торговле составят для Японии 48,9 млн долларов, для России – 509,2 млн долларов. Заметим, что эти оценки незначительно отличаются от наших расчетов по данным Trademap.org.

Т а б л и ц а 4

**Предполагаемый рост торговли между Россией и Японией
после ее взаимной либерализации исходя из объемов торговли 2018 г.***
(в млн долл., %)

Направление торговли	Эффект создания торговли	Эффект отклонения торговли	Общий ожидаемый рост импорта из страны – партнера по ССТ		Ожидаемые изменения сбора ввозных пошлин
			млн долл.	% импорта	
Импорт из РФ в Японию	44,4	29,5	73,9	0,5	–48,9
Импорт из Японии в РФ	166,2	162,8	329,0	3,7	–509,2

* Рассчитано с помощью SMART/WITS.

Полученные результаты нельзя интерпретировать как доказательство того, что ССТ с Японией для России и Казахстана невыгодно. Современные соглашения о свободной торговле с участием развитых государств обычно предусматривают договоренности не только по торговле товарами, но и по смежным аспектам взаимных экономических связей. Очевидная асимметрия соглашения по товарам, дающая основной выигрыш японскому бизнесу, позволит добиваться от партнера уступок в иных областях, например, смягчения нетарифных барьеров, мешающих проникновению товаров стран ЕАЭС на японский рынок. При этом возможно договариваться об изъятиях и в рамках самого ССТ по товарам.

Заключение ССТ от имени ЕАЭС требует согласия всех стран – членов объединения. Возражения со стороны Казахстана, Армении и Киргизии маловероятны: в этих государствах практически нет производств, конкурирующих с японскими товарами. Таковые, помимо России, есть в Беларуси. Так, беспошлинный ввоз карьерной техники японской фирмы Komatsu затронет интересы белорусских производителей завода БелАЗ (заметим, что техника Komatsu с 2010 г. собирается и в России – в Ярославле).

В связи с тем что основу японского экспорта в Россию/ЕАЭС составляют автомобили, а также строительная и картерная техника, нам имеет смысл подробнее остановиться на возможных последствиях обнуления ввозных пошлин для производства и импорта средств транспорта. Здесь – два главных вопроса: ожидать ли взрывного роста импорта японских

автомобилей и как повлияет либерализация на режимы работы иностранных компаний, собирающих автомобили на территории Российской Федерации. Ответ на первый вопрос виден из приведенных результатов расчетов: если весь импорт вырастет на 4,7%, а импорт автомобилей из Японии составляет 40%, то максимальный ожидаемый рост их импорта (в том случае, если весь рост импорта произойдет только за счет средств транспорта) составит 11,8%. Реальная цифра будет ниже. Помимо таможенных тарифов, в России применяют целый ряд нетарифных барьеров и мер стимулирования внутреннего рынка. Среди них – обязательная (в том числе для автомобилей с пробегом) установка устройств системы «ЭРА-ГЛОНАСС», а также адресные меры господдержки – программы «Первый автомобиль» и «Семейный автомобиль», позволяющие купить машину российского производства со скидкой. Размер скидки выше в регионах Дальнего Востока, что вызвано стремлением снизить долю автомобилей с правым рулем, ввозимых из Японии¹. Наконец, немалая часть машин японских марок поставляется с автозаводов японских концернов в Венгрии, Турции, Великобритании, США, однако либерализация торговли Японии с ЕАЭС их не коснется.

Что касается второго вопроса, то на сегодняшний день японские автозаводы в России функционируют в режиме промсборки, предусматривающей возможность ввоза автокомплектующих по низким ставкам таможенных пошлин или беспошлинно в обмен на нарастающую локализацию производства. Переход к свободной торговле для японских компаний обещал бы этот стимул к локализации контента. Однако режим промсборки постепенно заменяется на режим специального инвестиционного контракта²; в числе подписавших его в середине 2019 г. – Toyota, которая в рамках заключения специвестконтракта (СПИК) планирует вложить в производство на территории Российской Федерации 20 млрд рублей за 10 лет³. Среди других компаний самый большой размер заявленных инвестиций – 70 млрд рублей – по контракту, подписанному с АвтоВАЗом с привлечением его партнеров по альянсу: Renault, Nissan и Mitsubishi⁴. Таким образом, либерализация торговли вряд ли приведет к закрытию уже созданных на территории России производств японских

¹ URL: <https://www.drom.ru/info/misc/drom-ru-53343.html>

² Специальный инвестиционный контракт – это соглашение между инвестором и Российской Федерацией (или ее субъектом), в котором фиксируются обязательства инвестора (освоить производство промышленной продукции в предусмотренный срок) и Российской Федерации или ее субъекта (гарантировать стабильность налоговых и регуляторных условий и предоставить меры стимулирования и поддержки). Срок действия СПИК равен сроку выхода проекта на операционную прибыль плюс 5 лет, но не более 10 лет.

³ URL: <https://tass.ru/ekonomika/6272080>

⁴ URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2019/07/02/805657-minpromtorg>

корпораций, причем не только автомобильных, но и таких, как экскаваторный завод Hitachi в Твери или завод Komatsu в Ярославле, но еще более удешевит поставки комплектующих для этих предприятий.

Подведем итоги. Соглашение о свободной торговле обеспечило бы упрощение импорта из Японии и удешевление японских товаров, что выгодно потребителям и импортерам стран ЕАЭС, но может представлять угрозу для некоторых производителей конкурирующей продукции. В России это прежде всего автомобилестроение. Ожидаемые последствия для масштабов импорта и бюджетных потерь не столь велики. С точки зрения условий доступа российских товаров на рынки Японии, ССТ мало что даст традиционным экспортерам сырья и топлива, но может помочь проникновению новых видов готовой продукции на рынки дальневосточного партнера. В контексте переговоров о судьбе Южных Курил перспектива получения привилегированных условий доступа на российский рынок могла бы стать дополнительным инструментом переговорного процесса.

Список литературы

1. Алиханов А. А., Скрябина В. Ю., Тарасюк Е. В. Либерализация торговых взаимоотношений между странами: оценка и последствия // Международная торговля и торговая политика. – 2015. – № 3. – С. 3–26.
2. Белов А. В. Полтора века российско-японской торговли: как преодолеть «эффект колеи»? // Япония. Ежегодник. – 2016. – № 45. – С. 105–130.
3. Изотов Д. Эффекты присоединения России к торговым мегатформатам АТР // Известия ДВФУ. Экономика и управление. – 2016. – № 4. – С. 83–95.
4. Казаков О. И. О «хикивакэ» в российско-японских отношениях // Японские исследования. – 2016. – № 1. – С. 47–57.
5. Костюнина Г. М. Политика Японии в отношении региональных интеграционных соглашений // Трансформация международных отношений в Северо-Восточной Азии и национальные интересы России / под ред. А. В. Торкунова, Д. В. Стрельцова. – М., 2019. – С. 158–169.
6. Костюнина Г. М., Баронов В. И. Политика Японии в отношении региональных торговых соглашений и влияние на внешнюю торговлю с Россией // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 2. – С. 36–52.
7. Подоба З. С., Горшков В. А. Внешняя торговля Японии: современные тенденции и место России // Международная торговля и торговая политика. – 2017. – № 4 (12). – С. 23–37.
8. Попова Л. В., Субботина К. В. Особенности формирования стратегии прямых иностранных инвестиций Японии в XXI веке // Управленческое консультирование. – 2018. – № 12. – С. 91–97.

9. Стрельцов Д. В. Российско-японские торгово-экономические отношения: есть ли новая точка опоры? // Вестник МГИМО. – 2016. – № 1 (46). – С. 93–105.
10. Швыдко В. Г. «Абэномика»: смена концепции // Японские исследования. – 2019. – № 2. – С. 95–108.
11. Шеров-Игнатъев В. Г. Таможенные союзы стран – экспортеров сырья как инструмент смягчения негативных эффектов либерализации торговли // Евразийская экономическая интеграция. – 2014. – № 1. – С. 51–63.
12. Corbin M. A Russian Pivot to Asia? Russian Trade with Asia from 2006 to 2016. Kennan Cable. – 2018. –N 33. – May 18. – URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no-33-russian-pivot-to-asia-russian-trade-asia-2006-to-2016>
13. JETRO's FY2018 Survey on the International Operations of Japanese Firms. Results of JETRO's 2018 Survey on Business Conditions of Japanese Companies in Asia and Oceania. – URL: <https://www.jetro.go.jp/en/news/releases/2019/6980a2e6ad84b745.html>.
14. JETRO Global Trade and Investment Report 2019. The Fluctuating International Economic Order and Global Business in the Future. Key points. – URL: <https://www.jetro.go.jp/en/news/releases/2019/f25b1986b750a9f9.html>
15. 2018 JETRO Survey on Business Conditions of Japanese Companies in Asia and Oceania. – 2018. – December 20. – URL: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/survey/pdf/rp_firms_asia_oceania2018.pdf.
16. METI Priorities Based on the 2019 : Report on Compliance by Major Trading Partners with Trade Agreements (Wednesday, June 26, 2019). – URL: <https://www.meti.go.jp/english/report/data/2019WTO/pdf/gCT2019coeb.pdf>
17. Sugawara Junichi. Japan's Trade Policy Challenges in 2019. The Focus of Attention is on Mega FTAs, WTO Reform, and the Japan-US trade Talks // *Mizuho Economic Outlook & Analysis*. – 2018. – December 21. – P. 1–14.
18. Key Statistics and Trends in Trade Policy. UNCTAD, 2018,
19. Viner J. The Customs Union Issue. New York : Carnegie Endowment for International Peace, 1950.
20. World Integrated Trade Solutions. Online Trade Outcomes Indicators – User's Manual. Version 1.0. 2013. September. – URL: <http://wits.Worldbank.org/WITS/docs/TradeOutcomes-UserManual.pdf> (дата обращения: 15.09.2018).

References

1. Alihanov A. A., Skryabina V. Yu., Tarasyuk E. V. Liberalizatsiya torgovyh vzaimootnosheniy mezhdu stranami: otsenka i posledstviya [Liberalization of Trade Relations between Countries: Assessment and Implications], *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*, 2015, No. 3, pp. 3-26. (In Russ.).
2. Belov A. V. Poltora veka rossiysko-yaponskoy trgovli: kak preodolet «effekt kolei»? [One-and-a-Half Centuries of Russo-Japanese Trade Relations: How to Overcome «Path-Dependence»?], *Yaponiya. Ezhegodnik*, 2016, No. 45, pp. 105-130. (In Russ.).
3. Izotov D. Effekty prisoedineniya Rossii k torgovym megaformatam ATR [Effects of Free Trade Area Creation between Russia & the Pacific Rim's MegaTrade Agreements], *Izvestiya DVFU. Ekonomika i upravlenie*, 2016, No. 4, pp. 83-95. (In Russ.).
4. Kazakov O. I. O «hikivake» v rossiysko-yaponskih otnosheniyah [About Hikiwake in Russian-Japanese Relations], *Yaponskie issledovaniya*, 2016, No. 1, pp. 47-57. (In Russ.).
5. Kostyunina G. M. Politika Yaponii v otnoshenii regionalnyh integratsionnyh soglasheniy [Japan' Policy Regarding Regional Trade Agreements and Influence on Japan-Russia Trade], *Transformatsiya mezhdunarodnyh otnosheniy v Severo-Vostochnoy Azii i natsionalnye interesy Rossii*, edited by A. V. Torkunov, D. V. Streltsov. Moscow, 2019, pp. 158-169. (In Russ.).
6. Kostyunina G. M., Baronov V. I. Politika Yaponii v otnoshenii regionalnyh torgovyh soglasheniy i vliyaniye na vneshnyuyu torgovlyu s Rossiei [Japan' Policy Regarding Regional Trade Agreements and Influence on Japan-Russia Trade], *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik*, 2018, No. 2, pp. 36-52. (In Russ.).
7. Podoba Z. S., Gorshkov V. A. Vneshnyaya trgovlya Yaponii: sovremennye tendentsii i mesto Rossii [Japanese Foreign Trade: Contemporary Trends and the Place of Russia], *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*, 2017, No. 4 (12), pp. 23-37.
8. Popova L. V., Subbotina K. V. Osobennosti formirovaniya strategii pryamyh inostrannyh investitsiy Yaponii v XXI veke [Features of Formation of Strategy of Direct Foreign Investments of Japan in the XXI century], *Upravlencheskoe konsultirovaniye*, 2018, No. 12, pp. 91-97. (In Russ.).
9. Streltsov D. V. Rossiysko-yaponskie torgovo-ekonomicheskie otnosheniya: est li novaya tochka opory? [Russia-Japanese Trade and Economic Relations: is There a New Point of Support?], *Vestnik MGIMO*, 2016, No. 1 (46), pp. 93-105. (In Russ.).
10. Shvydko V. G. «Abenomika»: smena kontseptsii [«Abenomics»: a Change of Concept], *Yaponskie issledovaniya*, 2019, No. 2, pp. 95-108. (In Russ.).

11. Sherov-Ignatev V. G. Tamozhennye soyuzy stran – eksporterov syrya kak instrument smyagcheniya negativnyh effektov liberalizatsii trgovli [Customs Unions of Countries Exporting Raw Materials as Means of Mitigating the Negative Effects of Trade Liberalization], *Evrasiyskaya ekonomicheskaya integratsiya*, 2014, No. 1, pp. 51–63. (In Russ.).

12. Corbin M. A Russian Pivot to Asia? Russian Trade with Asia from 2006 to 2016. Kennan Cable, 2018, No. 33, May 18. Available at: <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no-33-russian-pivot-to-asia-russian-trade-asia-2006-to-2016>

13. JETRO's FY2018 Survey on the International Operations of Japanese Firms. Results of JETRO's 2018 Survey on Business Conditions of Japanese Companies in Asia and Oceania. Available at: <https://www.jetro.go.jp/en/news/releases/2019/6980a2e6ad84b745.html>.

14. JETRO Global Trade and Investment Report 2019. The Fluctuating International Economic Order and Global Business in the Future. Key points. Available at: <https://www.jetro.go.jp/en/news/releases/2019/f25b1986b750a9f9.html>

15. 2018 JETRO Survey on Business Conditions of Japanese Companies in Asia and Oceania, 2018, December 20. Available at: https://www.jetro.go.jp/ext_images/en/reports/survey/pdf/rp_firms_asia_oceania2018.pdf.

16. METI Priorities Based on the 2019 : Report on Compliance by Major Trading Partners with Trade Agreements (Wednesday, June 26, 2019). Available at: <https://www.meti.go.jp/english/report/data/2019WTO/pdf/gCT2019coeb.pdf>

17. Sugawara Junichi. Japan's Trade Policy Challenges in 2019. The Focus of Attention is on Mega FTAs, WTO Reform, and the Japan-US trade Talks, *Mizuho Economic Outlook & Analysis*, 2018, December 21, pp. 1–14.

18. Key Statistics and Trends in Trade Policy. UNCTAD, 2018,

19. Viner J. The Customs Union Issue. New York, Carnegie Endowment for International Peace, 1950.

20. World Integrated Trade Solutions. Online Trade Outcomes Indicators – User's Manual. Version 1.0. 2013. September. Available at: <http://wits.worldbank.org/WITS/docs/TradeOutcomes-UserManual.pdf> (accessed 15.09.2018).

Сведения об авторе

Владимир Генрихович Шеров-Игнатьев
кандидат экономических наук, доцент
кафедры мировой экономики СПбГУ.
Адрес: ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербург-
ский государственный университет»,
199034, Санкт-Петербург,
Университетская набережная, д. 7-9.
E-mail: v.sherov-ignatev@spbu.ru

Information about the author

Vladimir G. Sherov-Ignatev
PhD, Associate Professor of the Department
of World Economy, Saint Petersburg State
University.
Address: Saint Petersburg State University,
7/9 Universitetskaya nab., St. Petersburg,
199034, Russian Federation.
E-mail: v.sherov-ignatev@spbu.ru